

Несмотря на слабость, повышенную температуру и одышку больного командира, слабосильные доктора не могли справиться с пациентом. Лена с улицы принесла палочку, а Слава и Лель вставили её между зубами Вани. Теперь стало возможным вливать в больного отвратительный напиток.

— Гадость, но для его же блага, — кривя физиономию, произнёс Лель, уже отведавший этого лекарственного коктейля.

— Какой сильный яд! Сплёвывали, а он всё равно попадал в организм всех оказывающих помощь, — отметила Лена. — Выходит, что не зря я боялась.

— В этот раз, Ленка, всё было как на войне: сам погибай, но спасай товарища. И не просто товарища, а товарища командира! — вставила словечко Надя.

Госпитализированные ещё по три раза пили противный коктейль, ощущая прилив сил после каждого приёма. Всех оставили в лазарете до утра, хотя девочки утверждали, что чувствуют себя хорошо, уже здоровы. Тяжёлым оставалось

состояние товарища командира. Ночью он бредил, пытался вскакивать с постели, бился, когда, удерживая, на него наваливались не только чёртики, но и друзья. Уже утром, после очередных процедур, он открыл глаза, осмотрелся и произнёс:

— Не скорпион и не тарантул, а ядовит, как несколько змей сразу.

— Ур-ра-а! — прокричал Слава, не сдерживая эмоций. — Ваня очнулся!

— И он при памяти, что особенно радует! — отметила Яна и добавила: — Ваня прав, этот паук не идёт ни в какое сравнение с той красивой бабочкой, которая когда-то ужалила Лену. Именно после того случая она боится всяких ядовитых тварей.

Остальных подростков после завтрака выписали из лазарета, и они сбежались на Славино «ура». Ещё слабый, но улыбающийся Ваня понимал и ценил первую помощь друзей. О её своевременности говорили и доктора. От них командир узнал, что спасён с немалым риском для жизней самих товарищей. Этот день оказался выходным для всех, кроме Юры. Он отсыпался после ночной работы. Но и он навестил лазарет, когда все пострадавшие ещё проходили утренние лечебные процедуры.

Ваня, выздоровевший и жизнерадостный, вернулся к работе лишь спустя пару дней. Лекарство для чёртиков оказалось действенным и для людей. Мумия татэу пополнила коллекцию исследователей материка.

Послесловие

Привычное, день за днём повторяющееся течение больничных будней, казалось, устраивало всех. Паузы между процедурами, прогулками и перекурами заполнял Беспамятный. Все его соседи и присоединившиеся к ним пациенты из других палат ощущали себя экскурсантами необычного, а потому и интересного путешествия по далям

необъятного космоса, где люди, их земляки, обживали загадочную, но гостеприимную Зарю.

Казалось, что больные не особо спешат выписываться. Узнать здесь то, что неведомо другим, было бы интересно не только им. Если, конечно, имеем дело не с равнодушными пессимистами. И это путешествие в мир, отдалённый от землян расстоянием и временем, могло продолжаться ещё долго. Но на всё находится какое-то своё «но». В то раннее утро привычный ритм получил сбой.

— Мужики! Проснитесь же вы, мужики, — разнёсся громкий мужской голос не только в палате с Беспамятным, но и далеко за её пределами.

— Чего рёв поднял?

— Половины шестого ещё нет.

— Совсем, что ли, сознание отшибло? — набросились на кричащего в столь ранний час соседи по палате.

Прикостыляли ходячие равнодушные и любопытные из соседних палат.

— Мужики, я вспомнил! Меня Славой зовут! Слава я! Понимаете, Слава!

— Мог бы и подождать со своим известием часок-полтора. Подумаешь, важная новость, — отозвался Тима.

Когда появившиеся на истошный крик разбрелись по своим палатам, Толик, недовольный ранним пробуждением, сказал голосом, не терпящим возражений:

— Ну, дорогой ясновидящий Слава, если уж разбудил всех в такую рань, то до завтрака продолжай роль экскурсовода в нашем путешествии по планете Заря.

— В каком таком путешествии? — недоумевая, спросил Слава.

— Не прикидывайся. Не делай вид, что у тебя последнюю память отшибло. Вчера ты специально оставил интригу на следующий день. Не стал рассказывать, как Анжела восприняла известие Джорджа об их кровном родстве. Поверила и поняла — или сочла, что дед разводит её? Продолжай, что к чему там срослось, — с укором говорил Кирилл, который раньше слушал молча,

превозмогая страшную боль после повторной хирургической операции.

— Мужики, что за наезд? Ничего я вам не рассказывал. Не знаю ни этого Джорджа, ни какую-то там Анжелу. Не делайте из меня дурачка. Кончайте разводить бедолагу-соседа непонятно чем, — вспыхнул Слава.

— Нет, дружище. Это ты нас всех за дураков держишь. Мужики, я по-тихому всё на диктофон записывал. Хотел после выписки дать друзьям и родственникам послушать. И им будет интересно узнать эту фантастическую реальность. И послушают. А сейчас запись для другого годится — напомнить Славе отрывок его рассказа нам, — сообщил Тима.

Концовка вчерашнего повествования прозвучала.

— Ну, вспомнил? Или ты, забывчивый фантаст, будешь продолжать дурку гнать? — настаивал на продолжении Толик.

— Слышу, что голос мой. И ваши голоса прослушиваются, но, поверьте, не помню даже того, что я вам действительно рассказывал эту историю. Представляю по отрывку, что история и впрямь интересная. Но откуда я её взял, ума не приложу. Никогда нигде не читал её, не слышал от других, чтобы пересказать чужую задумку, — убеждал соседей Слава.

Тима дал прослушать ещё несколько отрывков из повествования, но ответ недавнего великолепного рассказчика был всегда однотипен: не помню, не знаю, не представляю, откуда я всё брал.

— Если бы хоть чуточку обладал даром рассказчика, то, наверное, сболтнул бы что-нибудь в такт сказанному. Но и в этом я не горазд. Тысяча извинений, мужики, но придётся покориться суровой правде — принять рассказ без окончания, — извинялся забывчивый фантазёр.

— Да то, что ты, Слава, называешь рассказом, на целый роман потянет. Кстати, Тимоха, запиши-ка всё на электронный носитель, отправь в издательство. Пусть напечатают. Роман или повесть, что получится. Не только твоим родичам

и другим интересно будет попутешествовать по далёкой планете Заря, оказаться в обживаемом людьми дальнем космосе, — посоветовал Кирилл.

— Э-э-эх, Слава, Слава. Уж лучше бы ты Беспмятным оставался. Куда больше было бы от тебя пользы и нам, и тебе самому. Вспомнил имя, начнёшь вспоминать и события бральной жизни на грешной Земле. Беспмятным тебе было бы и проще, и радостнее жить, — выразил сожаление Толик.

— Всё, что происходит, только к лучшему. Беспмятного, его собирались упрятать в психушку. И болтался бы он там между жизнью людей и бытием духов неизвестно сколько. А так, глядишь, снова в люди выбьется. Вспоминай теперь, да побольше. Готовься, что с этого дня тебя следовательно навещать будет. Частым гостем палаты предстоит ему быть. Так часто даже родственники любого из нас не навещают.

Этими словами Кирилл настроил Славу на ближайшую перспективу.

Напечатал Тима повествование Беспмятного, а в издательстве его перлы подкорректировали. Вот и гадают теперь люди, что это. Может быть, это мир, сотворённый больным воображением Славы за то время, пока он был Беспмятным? А вдруг это был, которая имела место быть? Быль, отдалённая от нас в будущее на тридцать восемь с лишним тысячелетий? И неизвестно, есть ли ещё провидец, способный заглянуть сквозь такую толщу времени, ответить на интригующий нас вопрос, подтвердить или опровергнуть увиденное пока только одним из наших современников?